

СТАТЬИ

К. Полянский

ПРОБЛЕМЫ ПОЛАБСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

Настоящие заметки возникли в процессе работы над этимологическим словарем полабского языка, первый выпуск которого, охватывающий буквы А—d', вышел из печати в 1962 г.¹ Следующие части находятся в работе. Я собираюсь в скором времени отдать в печать второй выпуск. Всего будет примерно семь выпусков.

Рецензии², появившиеся по выходе в свет первого выпуска, в принципе подтверждают правильность концепции, принятой нами, когда мы приступали к работе над словарем. Эта концепция состоит в том, что этимологический словарь полабского языка ограничивается главным образом славянской этимологией. Думается, что такая позиция тем более сейчас оправданна, что существует уже много славянских этимологических словарей, разработанных на индоевропейском фоне, а кроме того, в трех славистических центрах (Москва, Брно, Краков) ведутся работы над общеславянскими этимологическими словарями.

В конце концов, эта концепция вытекает также из специфики полабского языкового материала, сохранившегося до наших времен. Полабский язык засвидетельствован в неполной, фрагментарной форме. В памятниках очень мало связных текстов. Языковой материал представлен главным образом в виде словариков, по большей части — немецко-полабских и одного француз-

¹ T. Lehr-Slawiński, K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zeszyt 1 (A—D'ürd). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962.

² H. Schuster-Šewc. — «Slavia» XXXIV, seš. 2, 1965, стр. 319—323; B. Szzydłowska-Cegłowa. — LP X, 1965, стр. 119—124; О. Н. Трубачев. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 351—353; А. Ф. Супрун. — «Советское славяноведение» 2, 1966, стр. 95—96; A. V a i l l a n t. — BSL LIX, № 2, 1964, стр. 181; Л. И. Ройзензон. — «Wiener Slavistisches Jahrbuch» XI, 1964, стр. 192—195.

ско-полабского. Значения полабских слов или выражений часто даются неточно, иногда немецкие или французские семантические соответствия связаны только на основе каких-то ассоциаций с собственным значением полабского слова. Бывает, что и на основании такого определения легко, опираясь на форму слова, установить собственное значение, ср., например, записи Пфеффингера *Tréemesch* 'Qu'avez vous songé?', *Jajmoi raybói* 'Un pecheur', читай *dremš* 'видишь во сне', *jajmojě rajboj* 'ловит рыбу'. Но иногда неясно поданное значение полабского слова может привести к значительным трудностям в решении вопроса, с каким словом мы имеем дело в данном случае. Это имеет место, например, в случае с записью *Léipeina*. Хенниг снабжает это слово толкованием 'Bast'. Ввиду многозначности немецкого соответствия, а также ввиду смешения в графике полабских памятников знаков для звонких и глухих согласных вышеприведенное слово можно читать как *laipaină* либо *laibaină* и производить из **lipina*, **lupina* или **lubina*³.

Хотя несовершенное написание, в котором дошли остатки полабского языка, приносит временами, действительно, много хлопот, все-таки нельзя согласиться с отношением некоторых языковедов⁴, которые в своих исследованиях по полабскому языку доходят до того, что почти совершенно не считаются с этим написанием, полагая, что оно лишено какого бы то ни было порядка. Тогда как если детально ознакомиться с этой графикой, то нетрудно установить, что, при всем своем несовершенстве, она обнаруживает определенную систему, что прежде всего относится к записям Хеннига, а также в несколько меньшей степени — Пфеффингера.

В работе над этимологическим словарем полабского языка много внимания нужно посвятить делу правильного прочтения материала, или филологической стороне. Филологические вопросы здесь связаны с лингвистическими проблемами, прежде всего — фонологическими. Труды Т. Лер-Сплавинского и Н. Трубецкого о звуковой системе полабского языка облегчают сейчас реконструкцию лексического материала этого языка. Но здесь еще не все сделано. В этой ситуации важнейшей задачей этимологического словаря полабского языка является верная реконструкция (на славянском фоне) лексического материала этого языка на базе сохранившихся памятников.

В настоящем докладе я хотел бы обратить внимание на несколько вопросов, связанных с этой реконструкцией. Я имею в виду, с одной стороны, некоторые моменты, затруднявшие до сего

³ Ср.: K. Polański. Polabica III. — «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Językoznawcze», zes. 3, 1960, стр. 56—58.

⁴ Ср., например, рецензию А. Брюкнера на кн.: T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Gramatyka polabska. — ZfslPh VI.

времени работу над полабской этимологией, с другой стороны, я хотел бы высказать свое отношение к одному вопросу, который, как кажется, не получил надлежащего решения в первом выпуске словаря.

Одна из серьезнейших трудностей в работе над полабской этимологией возникла из-за игнорирования диалектных различий в этом языке. Скучный материал, сохранившийся до нашего времени, наряду с тем фактом, что записи его производились в нескольких не слишком удаленных друг от друга пунктах, могли внушить мысль, что он происходит с относительно монолитного языкового пространства, не обнаруживающего диалектных различий. Такое мнение отстаивал Н. Трубецкой⁵, близкую позицию занимал также Т. Лер-Сплавинский⁶, хотя этот последний в своих работах, посвященных полабскому языку, допускал возможность наличия в нем определенных диалектных различий. Тем временем в свете последних исследований оказывается, что полабский языковой материал обнаруживает весьма существенные диалектные различия и их игнорирование может привести к разным недоразумениям и ошибочным выводам также и в работе над этимологией этого языка. Укажу здесь примеры этого рода. Много работ посвящено истолкованию форм, оканчивающихся на *-aw*, *-af*, *-áf* и т. п., в полабских памятниках. Этой проблемой занимался уже А. Шлейхер в своей «Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache», затем Ю. Коблишке, Т. Лер-Сплавинский и др. Записи вроде *Kosaw*, *Kolaw* и т. п. объяснялись как собирательные образования на **-ъвъ*, причем их транскрибировали как *kosáv*, *koláv* и т. д. Еще большие трудности вызвало написание *Tyjmaf* 'кому', в котором большинство лингвистов, занимающихся этой проблемой, признало дат. п. ед. ч., преобразованный под влиянием форм существительных первоначального склонения на **-u*, возводя к исходной форме **komъvi* > *t'ümáv(ě)*. В то же время объяснения этого рода, будучи трудными и искусственными, оказываются излишними, если приглядеться к их диалектному распространению. Формы на *-aw*, *-af* и т. п. фигурируют только в диалекте, представленном текстом Хеннига и письмом г-ну де Бокёр. В прочих памятниках им соответствуют формы на *-ei*, *-ai*, *-äü* и т. п., т. е. формы с дифтонгом, заканчивающимся на *-i*. В свете сказанного, а также при учете некоторых других мотивов⁷ записи *-aw*, *-af* и под. нужно интерпретировать как неточное воспроизведение дифтонга *-au*, который представляет собой диалектный вариант полабского продолжения праславянского гласного **u*. Перечисленные формы, таким обра

⁵ N. T r u b e t z k o y. Polabische Studien. Wien und Leipzig, 1929, стр. 63 сл.

⁶ Например: T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.

⁷ Ср.: K. P o ł a ń s k i. — LP VI, стр. 154—167.

зом, следует читать как *kosau* ≤ **kvasu*, *kolaу* (им. п. ед. ч. *kol*, заимствовано из немецкого), *t'ūmaу* ≤ **komu* и т. п. Записи *-aw*, *-af* и т. п. встречаются только в конце слова, в остальных позициях дифтонг *au* передается регулярно через *ai*. Написания *aw* вместо *ai* нужно объяснить тем, что второй компонент этого дифтонга носил в полабском языке, очевидно, характер билабиального гласного вроде украинского *u*.

Много хлопот доставлял и до сих пор доставляет проблема развития праславянского **o* в полабском языке. В диалекте текста Пфеффингера и «*Vocabularium et phraseologicum Vandalicum*» полабское продолжение этого гласного, в частности в конце слова, имело тенденцию к дифтонгическому произношению. Этот рефлекс передавался тут с помощью буквенных сочетаний *eu*, *iu*, *eu* и т. п., например *Liutei* 'лето', *Nebūi* 'небо'. Многие формы, особенно производные, в написании которых есть этот дифтонг в исходе слова, получили ошибочную этимологическую интерпретацию. Например, запись Пфеффингера *Duntznei* транскрибировали как *tōso* и возводили к первоначальному **tōca*, предполагая здесь ошибку, допущенную при записи⁸. Однако в свете вышеизложенных констатаций нетрудно проэтимологизировать приведенную форму как *tōsnī* из первоначального **tōcōno* 'туманно, пасмурно', наречное производное от *tōco* 'туча'.

Много недоразумений возникло по причине неразличения некоторыми авторами в фонологической системе полабского языка двух редуцированных гласных (*ǎ* низкого подъема и *ě* верхнего подъема) в открытых слогах. Как известно, в полабском языке различаются сильные и слабые позиции в развитии праславянских гласных. Разные праславянские гласные по-разному редуцировались в полабском языке: **a*, **e*, **ъ*, **ь* переходили в *ǎ* низкого подъема, **u*, **y*, **i* развивались в *ě* верхнего подъема, в то время как **o*, **e* редуцировались в гласный либо низкого, либо верхнего подъема в зависимости от того, какой за ними следовал согласный. Поскольку это положение вещей было осознано только недавно, весь полабский материал нужно еще проверить под этим углом зрения. Это принесет не только пользу в отношении изучения самого полабского языка, но во многих случаях послужит усовершенствованию славянской этимологии, особенно — в вопросе различения гласных **ě* и **e*. Как известно, в славянских языках эволюция **ě* проходила по-разному и в некоторых случаях трудно установить, имеем ли мы дело с рефлексом первоначального **ě* или **e*. Полабский язык может при этом неоднократно прийти на помощь. Например, записи типа *laa*, *lah* 'только' согласно графическим принципам составителей полабских текстов заставляют транскрибировать эту форму в виде *lǎ*

⁸ P. R o s t. Die Sprachreste der Dravāno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907, стр. 429.

и производить из праславянского *lě. Эта частица представляет некоторые трудности своим развитием в славянских языках, так как в некоторых из них как будто существуют формы, говорящие в пользу реконструкции первоначального *le, а в других — в пользу *lě.

Точно так же в сильной позиции рефлексов первоначальных гласных *ě и *e полабская форма может иногда оказать ценную услугу славянской этимологии, давая материал для решения сомнительных вопросов. Возьмем в качестве примера слово, которое до сего времени реконструировалось этимологами-славистами в форме *lēmęžь⁹ 'стропило, жердь, балка'. Дело в том, что полабская форма *lēmąz* вынуждает принять здесь в первом слоге рефлекс первоначального *ě и тем самым реконструировать первичную форму этого слова как *lēmęžь.

А теперь еще несколько слов по вопросу о славянских соответствиях полабским формам в этимологическом словаре полабского языка, — вопросу, который, как кажется, был не совсем правильно решен в первом выпуске. Приступая к работе над этимологическим словарем полабского языка, мы сначала решили давать в нем только точные лексические соответствия в других языках, поскольку соответствия такого рода имеют наибольшую ценность для этимологии. Мы принципиально придерживались этой концепции в первом выпуске. Тем самым, однако, мы оставили в стороне много неполных соответствий, которые стоило включить в словарь по тем или иным соображениям. Этот недостаток нашего словаря указали почти все его рецензенты. Речь идет здесь прежде всего о случаях такого рода, когда полабское слово находит какие-нибудь семантические параллели в других славянских языках, хотя эти образования в словообразовательном отношении соответствуют полабской форме не полностью.

Исследование параллелизмов, имеющих место в области словарного состава, между полабским языком и другими славянскими, имеет большое значение не только для славянской этимологии, но также и для исследований проблемы родственных отношений славянских языков, потому что вопрос о лексических ареалах играет при этом важную роль. В свете изучений словарного состава полабского языка и его отношения к лексике других славянских языков оказывается, что особенно много лексических изоглосс существует между полабским языком и польским и лужицкими языками, с одной стороны, и словенским — с другой стороны. Поразительно то, что наблюдения из области лексики (ср. особенно работы Б. Шидловской-Цеглевой) совпадают также с фактами грамматики.

Исследование полабско-инославянских лексических параллелизмов имеет тем большее значение, что на почве полабского

⁹ Например: В е р н е к е р I, стр. 701; V а s m e r II, стр. 29.

языка мы лишены возможности проследить историю слов, которая играет в современной этимологии такую большую роль, в частности при определении изменений значений, которые могли постепенно происходить с данным словом. В отношении полабского языка не сохранилось никаких древних текстов или словарных материалов. Весь материал, дошедший до наших дней, происходит примерно из одной и той же исторической эпохи (конец XVII—начало XVIII в.).

Перевел с польского

О. Н. Трубачев